
ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.332 (=161.3)(571.14)

DOI 10.25205/2312-6337-2024-51-105-118

Календарная традиция белорусов-переселенцев: структурно-ритмическая типология песен позднего лета и осени

Т. В. Дайнеко

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Представлены результаты исследования напевов песен позднего лета и осени – как обрядовых, так и приуроченных к сезону, – принадлежащих к фольклорной традиции белорусов-переселенцев Сибири и Дальнего Востока. Изучались архивные и опубликованные записи, сделанные начиная с 1970-х гг. и до настоящего времени в ряде основных регионов расселения белорусов – Новосибирской, Омской областях, Красноярском и Приморском краях. В центре внимания находится важнейший для календарных песен аспект – структурно-ритмическая организация напевов, также затрагивается ладозвукорядный аспект, важный для песен позднелетне-осеннего периода. Особенности строения напевов песен переселенческой традиции соотносятся с типами напевов обрядовых песен материнской традиции, выявленными белорусским этномузыковедом З. Я. Можейко.

Ключевые слова

фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока, календарные песни белорусов-переселенцев, обрядовые и приуроченные песни позднего лета и осени, структурно-ритмическая типология

Для цитирования

Дайнеко Т. В. Календарная традиция белорусов-переселенцев: структурно-ритмическая типология песен позднего лета и осени // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51). С. 105–118. DOI 10.25205/2312-6337-2024-51-105-118

© Т. В. Дайнеко, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

Calendar tradition of Belarusian settlers: structural and rhythmic typology of late summer and autumn songs

T. V. Dayneko

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article presents the results of a study of the tunes of ritual and season-timed songs of late summer and autumn of the folklore tradition of Belarusian settlers of Siberia and the Far East. The study material comprises archival and published recordings made since the 1970s and up to the present time in a number of the main regions of settlement of Belarusians: Novosibirsk, Omsk regions, Krasnoyarsk, and Primorsky Territories. The focus is on the most important aspect of calendar songs, namely, the structural-rhythmic organization of the tunes. The author of the article has correlated the features of the tunes of the songs of the settlers' tradition with the types of tunes of ritual songs in the maternal tradition identified by the Belarusian ethnomusicologist Z. Ya. Mozheyko.

The tunes under investigation were established to belong to the first and second typological groups of *zhnivnye* songs, to the type of *zhnivnye* tunes of the eastern districts of Poozerye (the territory of Belarus), to the first and second *dozhinochnye* types, the first *yarynnyy* and the second autumn types (according to Mozheyko). In addition, some tunes were found to have characteristic structural and rhythmic parameters of the summer period types – the sixth *rusal'nyy* and the seventh *kupal'skiy*. Few songs proved to have typical modified and typical combined tunes. A special role in the organization of *zhnivnye* tunes is played by four- and six-syllable verse structures; they are realized in rhythmic formulas found in the tunes of songs throughout the calendar circle.

Keywords

folklore of Belarusians of Siberia and the Far East, calendar songs of Belarusian settlers, ritual and season-timed songs of late summer and autumn, structural and rhythmic typology

For citation

Dayneko T. V. Kalendarnaya traditsiya belorusov-pereselentsev: strukturno-ritmicheskaya tipologiya pesen pozdnego leta i oseni [Calendar tradition of Belarusian settlers: structural and rhythmic typology of late summer and autumn songs]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 105–118. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-51-105-118

Введение

В календарной традиции белорусов-переселенцев второй период летне-осеннего сезона¹ – позднее лето и осень – представляет собой единый фольклорно-этнографический комплекс, который можно назвать сезонно-трудовым с обрядовыми и частично праздничными вкраплениями. В доступной нам коллекции календарных песен белорусов-переселенцев этот период представлен *жнивными* и *дожиночными* песнями, которые сопровождают главное дело периода – уборку зерновых. К данному периоду относятся и песни, которые исполнялись во время других сезонных работ: уборки и обработки льна или конопли, заготовки на зиму поздних ягод и пр.; такие песни обычно обозначали путем описания вида работы или народным термином *осеньские* / *вóсьеньские*.

В статье представлены результаты типологического изучения напевов песен указанных жанровых групп. Материалом для исследования послужили архивные² и опубликованные³

¹ О делении сезонов и жанровой классификации см.: Дайнеко Т. В., Леонова Н. В. Календарные песни белорусов Сибири и Дальнего Востока: жанровый состав // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 27–38.

² Копии аудиоматериалов Архива ОмГПУ (Омского государственного педагогического университета, ранее – института), ГАО (Государственного архива Новосибирской области) были сделаны Н. В. Леоновой для подготовки к изданию «белорусских» томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» и хранятся сейчас в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (АТМ НГК).

³ См. «Список источников песенных образцов».

записи песен, сделанные в Новосибирской, Омской областях, Красноярском и Приморском краях начиная с 1970-х гг. и до настоящего времени. Изучались как обрядовые, так и приуроченные к сезону песни. Особенности организации напевов песен белорусов-переселенцев рассматривались в соотношении с типами напевов метропольных обрядовых песен, выделенными белорусским этномузыковедом З. Я. Можейко [1985]. В результате сопоставления среди напевов сибирско-дальневосточных песен выявлены типовые, типовые модифицированные и типовые комбинированные напевы ⁴.

1. Песни с типовыми напевами

К **первой типологической группе жнивных песен** (*I гр. жнив.*), по классификации З. Я. Можейко, относятся песни «Коло мойво терема» (Омск-РП/51 ⁵), «Жнитя, жнитя, жнейки» (ДВ-КШ/117 – Нот. прил., пример 1), записанные в Омской области и на Дальнем Востоке, а также две песни из Красноярского края на политекстовый напев – «Пора жнеям домой идтить» и «А на поле туман» (Кр-ШРБ/с.81-2, Кр-ШРБ/с.85-1). Первая из них обозначена исполнительницей как *осеньская*, вторая пелась «в поле во время жатвы», третья и четвертая помещены в раздел жнивных песен составителем. Во всех песнях поэтическая строфа двухчастна (АВ – в омской и дальневосточной, АА – в красноярских), как и мелострофа (АВ во всех случаях), что является признаком первой группы жнивных напевов [Можейко 1985: 110–111]. Ладозвукорядная основа песен – «летний» (по определению Ф. Рубцова) терцовый лад с субквартой. В дальневосточной песне ладозвукоряд проявлен более выпукло. В красноярском образце (Кр-ШРБ/с.81-2) сосуществуют два ладоинтонационных комплекса: в нечетных сегментах музыкальной формы – тетракордовый (*c-d-e-f*, основной опорный тон подчеркнут), в четных – суммарный (включающий и первый тетракорд), представляющий собой «летний» ладозвукоряд с субквартой и субсекундой, с основной опорой на *d* (*a-c-d-e-f*).

Присутствуют и другие характерные черты жнивных песен, отмеченные в белорусской типологии: в омской песне иррационально удлиняется третья с конца семислогового построения доля, что совпадает с началом слова (ср. с примером, приведенным З. Я. Можейко [Там же: 207, № 88]); в дальневосточном образце словообрыв приходится на предпоследний слог шестисложника и подчеркнут ритмически и интонационно – удлинением и глиссандо, то же происходит и в напеве красноярской песни, где словоразрыв разделяет сегменты второй строки. Обрядовый характер дальневосточной песни подчеркнут гуканьем в конце каждой строки.

В сборнике «Песни Псковской земли» (составитель А. Мехнецов), посвященном фольклору граничащего с Белоруссией ареала, содержатся жнивны песни аналогичной структуры и ладозвукорядной организации [1989: № 325–333].

Ко **второй типологической группе жнивных песен** (*II гр. жнив.*) относится песня «То на битам, на шляшочку», записанная от потомков черниговских переселенцев Приморья (ДВ-КШ/125). В напеве наблюдаются отличительные черты типа *II гр. жнив.*: трехчастная мелострофа (АВС), при этом поэтическая строфа в своей основе двухчастна, но приобретает трехчастную форму путем повторения первого стиха (ААБ) [Можейко 1985: 111]. В песне присутствуют словоразрывы при повторении первого стиха, что также отмечается в белорусской классификации как признак типа *II гр. жнив.* [Там же]. В песне реализуется характерная ладово-мелодическая формула «жніва» ⁶, но в вариантном виде – с захватыванием верхних квартового и квинтового тонов (*fis-h-cis-d-e-fis*).

⁴ Классификация предложена автором, см.: [Дайнеко 2021].

⁵ Здесь и далее ссылки на образцы песен из репертуара белорусов-переселенцев даны сокращенно – в виде шифров. В первой части шифра (до дефиса) указан регион записи песни: Нск, Омск – Новосибирская, Омская области, Кр – Красноярский край, ДВ – Дальний Восток (Приморский край). Во второй части шифра даны источник записи песни (архивный материал или публикация) и далее, через косую линию, номер образца в нем или страница, на которой находится образец (для сборников без нумерации песен). См. «Список источников песенных образцов». Для архивных аудиозаписей указан номер описи в АТМ НГК, например: 20 = АТМ, оп. 20. Часть образцов публикуется в «Нотном приложении» к данной статье.

⁶ Впервые выведена З. В. Эвальд: быстрый подъем от субкварты к основной опоре и к верхнему терцовому тону, затем спуск через вторую ступень к основному опорному тону, возвращение ко второй ступени и утверждение основной опоры (IV–1–3–2–1–2–1) [Эвальд 1979].

Расширение в некоторых напевах диапазона ладозвукорядной формулы также отмечено в белорусской типологии [Там же: 111].

Разновидность жнивных напевов, бытующих в восточных районах Поозерья. В своей классификации З. Я. Можейко отмечает, что часть жнивных напевов (с двухчастным или трехчастным строением мелострофы, как в основных типологических группах) можно отнести к пяти разновидностям, имеющим определенные ареалы распространения. Напевы второй разновидности бытуют в восточных районах Поозерья; их отличает терцовый лад, «ровно развертывающаяся» мелодия, «просветленное» звучание [Там же: 111–112]. Приведенный пример песни позволяет выделить характерную для напевов данной разновидности ритмическую структуру, состоящую из четырехдольного сегмента с затянутой последней долей и сегмента-дямба: [Там же: 213, № 97].

Среди песен позднелетне-осеннего периода, записанных от белорусов-переселенцев, песни с напевами такого строения составляют самую многочисленную группу (14 образцов). Часть из них относится к *косецким*: «Ай, на лугу косец кося» (КР-СВЖ/с.26-1), «А на горе косец косит» (Омск-РП/45), «Ой, да раскошу я десятину» (Кр-ШРБ/с.75-1), остальные – к *жнивным* (Кр-ШРБ/с.81-1, Кр-ШРБ/с.86-2, Кр-ШРБ/с.85-2, Кр-ШРБ/с.79, Кр-ШРБ/с.77, Омск-РП/46, Кр-ШРБ/с.80-2, Омск-1/53, Омск-3/15, Омск-3/28, Омск-3/16). Помимо жнивной тематики вербальные тексты песен содержат и семейно-бытовую, в некоторых образцах последняя главенствует (например, «А ў полюшке огонь горит» Кр-ШРБ/с.81-1). Строение поэтической строфы в подавляющем большинстве случаев АА, в некоторых образцах – АВ, например, в жнивных «Коло лесу сонца ходя», «Пора, пора домовочке» (Омск-3/16 и 15 соответственно), в одной из косецких (Кр-СВЖ/с.26-1).

Типовая для данной разновидности ритмическая организация напева сохраняется во всех сибирских песнях. В некоторых образцах она предстает в неизменном виде (Омск-РП/45 – Нот. прил., пример 2), в других – с вариантными изменениями (например, Кр-ШРБ/с.75-1, Омск-1/53 и пр.).

Ладозвукоряды напевов представляют собой, как правило, терцовый лад с дополнениями в виде субкварты и / или субсекунды либо без них, с расширением амбитуса за счет включения тонов выше терцового. В этом типовом параметре также возможны варианты. Например, ладозвукоряд песни «А ў полюшке огонь горит» (Кр-ШРБ/с.81-1) включает тоны субкварты и субсекунды, но лишен терцового тона: *fis-a/ais-h-cis*. В таких случаях принадлежность напева к рассматриваемой разновидности восточного Поозерья устанавливается по наличию характерной ритмической структуры. Структурно-ритмический параметр является определяющим, поскольку напевы разных типов позднелетне-осеннего сезона имеют сходное строение ладозвукоряда.

Первый дожиночный тип (I дожин.). В классификации З. Я. Можейко отмечается, что в большинстве районов Полесья и центральной зоны Беларуси напевы дожиночных песен сливаются со жнивными, однако на Поозерье дожиночные песни имеют свои специфические напевы, которые, в сравнении со жнивными, отличаются «четкой периодичностью ритмики и особой структурой мелострофы» [Там же: 112]. В сибирской коллекции содержатся несколько песен с напевами типа I дожин., которые записаны в Омской области и Красноярском крае. Две из них – «Сидел козел на меже» (Омск-РП/50) и «Чья это борода» (Кр-ШРБ/с.86-1) – это *бородные* песни, которые исполняли в обрядовой ситуации «завивания бороды» на поле по окончании жатвы; остальные песни – «Как на нашей нивке», «Видит моё око» (Кр-ШРБ/с.87-2, Кр-ШРБ/с.80-1) и «На дворе не рана» (Омск-3/29) – относятся к *дожиночным* / *обжиночным*.

Согласно белорусской типологии, для вербального текста песен типа I дожин. характерна трехчастность, которая достигается либо за счет повторения одной из строк (что не указано З. Я. Можейко в описании типа, но это демонстрируют приведенные ею примеры песен), либо за счет добавления концевого припева, чаще всего с характерным для данного типа текстом: «Дзіва, дзіва», «Слава Богу», «Лі-ля-лє» [Там же: 113]. В качестве основной указана семидольная

ритмоформула с удлиненной последней долей ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ , однако песни, приведенные З. Я. Можейко в качестве примеров, построены и на шестидольных ритмоформулах: чаще всего это уже известная по песенным типам предыдущих календарных сезонов ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ , но возможны и другие варианты, например ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ [Там же: 217–219, № 104–106].

Организация поэтического и музыкального текста сибирских песен в полной мере отвечает всем признакам типа *I дожин*. Все песни имеют трехчастное строение поэтической и мелодической строфы. Последнюю часть строфы в трех образцах занимает типовой рефрен: «Слава Богу!» (Омск-РП/50; Кр-ШРБ/с.87-2 – Нот. прил., пример 3) и «А-е-я, ё-а-я» (Омск-3/29); в двух песнях повторяется смысловая строка вербального текста: АВВ (Кр-ШРБ/с.86-1), ААВ (Кр-ШРБ/с.80-1). Сибирским образцам свойственны как семисложные, так и шестисложные смысловые строки, в напеве они реализуются, как правило, типовыми ритмоформулами, указанными выше; четырехсложный смысловой припев – вариантом ритмоформулы шестивия ♪ ♪ ♪ ♪ , шестисложный асемантический припев – моноритмичной ритмоформулой с удлинением последней доли. Ладозвукоряд всех напевов – терцовый (типичный для жнивных и дожиночных), дополненный субквартой, в одном случае – еще и субсекундой (Омск-РП/50). В процессе ладоинтонационного развертывания наблюдается окончание мелодических фраз на второй ступени, что приводит к сдвигу ладовой опоры на эту ступень. Это также, согласно З. Я. Можейко, является устойчивым типовым признаком напевов дожиночных, ярынных (т. е. сопровождающих уборку яровых культур) и осенних песен [Там же: 113].

На Псковщине записывались песни с напевами такой же общей структуры (с рефренами или с повтором строки), а также ритмической (семи- и шестидольные ритмоформулы) и ладовой организации [Песни Псковской земли 1989: № 340–352].

Второй дожиночный тип (*II дожин.*) представлен в нескольких сибирских песнях: «И шёл раю дорогаю» (Омск-РП/49 – Нот. прил., пример 4), «Ишов Раю, ишов Раю» (Омск-1/15) из Омской области и «Жито моё реденько» (Кр-ШРБ/с.83) из Красноярского края. В основе лежит стих 4 + 4, первое полустишие повторяется и в напеве приобретает роль выделенного запева. Полученный таким образом двенадцатисложный стих реализуется в трехчастной слоговой музыкально-ритмической форме, которая полностью совпадает с приведенной в белорусской типологии [Там же: 113]: $\text{♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪}$.

Один из омских образцов (Омск-РП/49) записан вдвое увеличенными длительностями. Другой имеет вариантные изменения: удлиняются последние доли первого и третьего сегментов ритмоформулы (Омск-1/15). Обращает на себя внимание сходство особенностей ладоинтонационного развития двух омских образцов: в процессе развертывания мелодии в рамках тетраорда (ионийского – в Омск-1/15, целотонового – в Омск-РП/49) реализуются терцовые комплексы первой и второй ступеней (например, в образце Омск-РП/49 это $\underline{c}-d-e$ и $\underline{d}-e-fis$), в итоге происходит утверждение второй ступени в качестве главной опоры. В красноярской песне в основе напева лежит ладозвукоряд, типичный как для жнивных (в первую очередь), так и для других жанровых групп песен позднелетне-осеннего сезона – терцовый с субквартой.

Шестой русальский тип (*VI рус.*). В соответствии с параметрами этого типа напевов весенних и летних песен организованы две *дожиночные* песни из Красноярского края – «А чие то поле» и «А в поле полоска» (Кр-СВЖ/с.30 – Нот. прил., пример 5; Кр-СВЖ/с.31–32). Им свойственны двустроичная поэтическая строфа хороводной структуры ab/gb, типовая шестидольная ритмоформула ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ , которая пронизывает напев от начала до конца. Показателен вербальный текст одной из песен (рефренная строка опущена): *А в поле полоска перестой стояла, // Перестой стояла, к себе жней гукала. // Жнеи молодые, серпы золотые, // Ты сами сожните, ты конец пустите. // Надоело стоять, колосом махати* (Кр-СВЖ/с.31–32). В содержании и лексике текста этой дожиночной песни наблюдается словно зеркальное отражение того, о чем пелось в весенних закличках: на исходе зимы люди ждали прихода весны и всех сопутствующих ей природных явлений

(солнца, тепла), звали их, *гукáли* – осенью же полоска поля, которая здесь олицетворяет всю природу, зовет, *гукáет* жней, просит освободить поле от тяжести урожая.

Осенний календарный цикл в классификации З. Я. Можейко подразделяется на: 1) собственно *осенние* песни, 2) *ярынные* («ярыны», «як жнуць яравое»), 3) *льняные* («як лён бяруць»), 4) *овсяные* песни («як убираюць авёс») [1985: 114]. В сибирской коллекции содержатся песни с напевами, соответствующими некоторым из указанных типов.

В соответствии с типовыми признаками **первого ярынного типа** (*I ярын.*) организованы напевы нескольких песен из Омской области, собирателями или исполнителями они обозначены как принадлежащие к периоду жатвы: «А ти вышла г(ы)розная туча» (Омск-РП/47) – *жнивная* [РП 2005: 189], «Ох, литала сера пирепёлка» (Омск-1/20 – Нот. прил., пример 6) – «*жнивá*», «Говорело поле полевое» (Омск-1/38) – «*жито*». Главными признаками типа являются двухчастное строение поэтической строфы (соответственно, и мелострофы) и наличие опоясывающего четырехсложного рефрена: (г4 + 6) + (6 + г4). Наиболее строго слоговой состав как смысловых строк, так и припева выдерживается в образце Омск-1/20; в песне Омск-1/38 число слогов варьируется во всех сегментах формы за счет добавления асемантических междометий или дополнительных слогов в слово (например, *мовоё* – вместо *моё* или *мово*). В третьей песне, Омск-РП/47, типовое соотношение слогов 6 + 6 устанавливается в смысловых строках начиная с четвертой строфы; рефрен остается стабильным звеном формы.

Ладозвукоряды образцов типичны для песен рассматриваемого сезона: Омск-РП/47 – терцовый с субквартой (в данном образце – с ее заполнением) *h-c-d-e-fis-g*; Омск-1/38 – терцовый с субквартой и субсекундой *g-b-c-d-es*; Омск-1/20 – терцовый с вариантной третьей ступенью и с захватыванием в полуречитативных возгласах квинтового тона *cis-dis-e/eis-(gis)*. В песне «А ти вышла г(ы)розная туча» (Омск-РП/47) и начальное, и конечное звенья рефрена завершаются на второй ступени лада, что также является типовой особенностью *I ярын.*; каждая мелострофа данного образца заканчивается обрядовым гуканием.

Песни с напевами, основанными на аналогичной рамочной структуре, записывались на Псковщине [Песни Псковской земли 1989: № 353–355].

Признаки **седьмого купальского типа** (*VII куп.*) имеют напевы небольшой группы сибирских осенних песен: «А в бору тетярлэк балбочет» (Омск-РП/52 – Нот. прил., пример 7). По комментариям исполнителей, ее поют, когда «осенью идут по ягоды» [РП 2005: 189]; «А в бору, бору лён бяру» (Омск-РП/55) – «поют, когда лён дярют» [Там же: 190]. И в той, и в другой песне признаки указанного типа явны: форма поэтической строфы АА, мелострофы – АВ; стих 5 + 3 реализуется в ритмической структуре, состоящей из двух сегментов: начального колядкового пятидольника и конечной ритмофигуры «притопа»: ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪. Ладозвукорядная организация песен сходна: напев реализуется в рамках пентахорда, третья и четвертая (в одном из образцов) ступени имеют варианты *c-d-es/e-f-g* (Омск-РП/52), *c-d-e/es-f/fis-g* (Омск-РП/55).

З. Я. Можейко указывает, что постоянный зачин «А ў бару ціцярук балбочаць» имеют, как правило, *ярынные* песни с напевами второго типа (что подтверждается и нотным примером, приведенным исследователем) [Можейко 1985: 115, 223, № 115]. В сибирской коллекции, как видим, имеющая такой текст песня – *осенняя* (Омск-РП/52), она относится к той же большой жанровой группе, что и *ярынные*, но имеет напев типа *VII куп.* Таким образом, летний купальский тип напевов распространяет свое «влияние» и на осенний период. По структурно-ритмическим признакам тип *VII куп.* совпадает с одним из основных типов свадебных напевов, широко распространенных на метропольной территории и имеющих хорошую сохранность у белорусов-переселенцев Сибири Дальнего Востока ⁷.

⁷ См.: Варфоломеева Т. Б. Музыкальные особенности свадебных песен белорусов Сибири и Дальнего Востока // Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1: Семейно-обрядовые песни и при-

Второй осенний тип (*II ос.*), по классификации З. Я. Можейко, включает напевы, которые идентичны по структурно-ритмическим признакам напевам свадебной обрядовой лирики. Для них характерен стих 5 + 5 + 7, реализующийся в ритмическом периоде из трех сегментов, из которых первые два представляют собой колядковую ритмоформулу, а последняя – семидольная с удлинёнными последними тремя долями: ♪♪♪♪♪ | ♪♪♪♪♪ | ♪♪♪♪♪ [Можейко 1985: 116]. В соответствии с указанными параметрами организованы несколько песен из сибирской коллекции, записанных в Красноярском крае: «Ай, осень-осень», «Ой, осень, осень», «Ой, Святой Покров» (Кр-ШРБ/с.88, Кр-ШРБ/с.78-1, Кр-БЕ/23 – Нот. прил., пример 8). Песни определяются исполнительницами или собирателями как *вóсенские*, они пелись «на праздник Покрова Пресвятой Богородицы», «с наступлением... холодов», «когда начинались свадьбы» [БЕ 2017: 121; ШРБ 2007: 78, 88]. В вербальных текстах двух образцов содержательные элементы семейно-брачной тематики выражены явно: упоминаются приезд сватов, «лихая» свекровь «с пригрозами» и т. д., в одном – не прямо, а с помощью природных образов (*Листочек пропал, зямельку устлал, / Ой, моя пора выйшла* – Кр-ШРБ/с.78-1). Слоговая структура стиха может выдерживаться без изменений (Кр-ШРБ/с.78-1) либо варьироваться в сторону увеличения количества слогов до 6–7 в первых двух сегментах формы (Кр-ШРБ/с.88). В таких случаях ритмоформулы также варьируются за счет дробления долей, но сохраняют свою узнаваемость. В одной песне каждая мелострофа заканчивается словообрывом и гуканьем (Кр-БЕ/23). Одиноким возгласом завершается и другой образец (Кр-ШРБ/с.88). Что касается ладозвукорядного параметра, то во всех напевах присутствует вариативность третьей ступени, уже отмеченная в напевах других типов; в остальном же это ладозвукоряды разного строения: терцовый лад с субквартой и расширением амбитуса до квартового тона (*a-d-f/fis-g* – Кр-ШРБ/с.88); пентахордовый ладозвукоряд (*d-e-f/fis-g-a* – Кр-БЕ/23); ладозвукоряд в объеме сексты с субквартой и субсекундой (*a-c-d-e-f/fis-g-a-h* – Кр-ШРБ/с.78-1).

Присутствие свадебного структурного типа и характерной образности вербального текста в *вóсенских* песнях совершенно не случайно. В. И. Елатов отмечает, что осенью, в пору свадеб, нередко «исполняются свадебные песни вне их непосредственной функции»⁸ [Елатов 1977: 39]. При этом в построенных по принципу психологического параллелизма текстах песен может сохраняться только первая часть с описанием картин природы, а вторая, касающаяся мира людей и матримониальной темы, опускается и может даже не сохраниться в памяти носителей традиции [Там же].

1.1. Напевы в структуре «коломыйка»

Как и в предыдущих сезонах, в позднелетне-осеннем периоде содержатся песни с напевами в типовой структуре «коломыйка». К таковым относятся записанные в Приморье от потомков черниговских переселенцев песни «Ой, вы горы, мае горы» (ДВ-КШ/135) и «Тикла речка, нивяличка» (ДВ-КШ/121), их пели «на поле, когда пололи или жали» и «когда конопли берут... восинью» соответственно. По содержанию вербального текста обе песни лирические, в них нет даже упоминания о жатве. Структура стиха 4 + 4 + 6. Влияние календарного жанра просматривается в том, как изменяется ритмическая реализация типовой структуры: и в той, и в другой песне второй четырехдольный сегмент ритмической структуры теряет моноритмичность, третья и четвертая его доли удлиняются: ♪♪♪♪ | ♪♪♪♪, кроме того, на последнюю приходится характерное для жнивных глассандо. Шестидольный сегмент также отмечен ир-

читания / Сост. Н. В. Леонова (отв. сост.) и др. Новосибирск: Наука, 2011. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 31). С. 50–61.

⁸ В. И. Елатов приводит черниговскую песню, сходную по строению с рассмотренными сибирскими образцами, со слоговой структурой 5 + 5 + 6, которая в напеве реализуется с помощью ритмического построения из трех ритмоформул: ♪♪♪♪♪ | ♪♪♪♪♪ | ♪♪♪♪♪ [Елатов 1977: 162].

рациональным удлинением последней доли, а в одном из образцов к нему прибавляется обрядовое гуканье (ДВ-КШ/135).

В группу песен со строением стиха 4 + 4 + 6 можно отнести и другие дальневосточные песни, лирические по содержанию вербального текста, например: «Ой, засохла, ой, завяла да былиначка ў поле» (ДВ-КШ/122) и «Падуи, падуи, витярочык»⁹ (ДВ-КШ/118). В них ритмическое строение сегментов формы также изменяется в соответствии с жанровой принадлежностью песен: стоит отметить удлинение в обеих образцах предпоследней доли второго сегмента, сочетающееся с нисходящим глиссандо (только в ДВ-КШ/118) и словоразрывом (в обеих песнях), столь характерным для жнивных напевов. Присутствуют и структурные изменения – добавляется выделенный запев, в котором повторяется последнее слово предыдущей смысловой строки.

В. И. Елатов называет структуру стиха 4 + 4 + 6 характерной для жнивных песен и «более развитой» по сравнению с часто встречающимся в их основе восьмисложником; при этом о «коломыйке» он не упоминает [Елатов 1977: 38].

2. Песни с типовыми модифицированными напевами

Напев толочанской песни из Омской области «Пив бы я мед и вино» (Омск-1/18) можно отнести к **первому дожиночному типу** (*I дожин.*), но с ритмической и структурной модификацией. В основе напева лежит стих 7 + 7, что соответствует типовому параметру. Стих ритмизован семидольной ритмоформулой ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ с удлинёнными первой, третьей и последней долями, которую следует считать вариантом типовой, где удлинена только последняя доля. Другая существенная модификация касается композиции строфы: в типе *I дожин.* она трехчастная и рефренная, а в данном образце строфа двухчастна (АА), поскольку рефрен отсутствует.

Песня «Как на нашей нивки» (Омск-РП/48), согласно комментарию исполнительницы, относится к «обжинковым», об этом же свидетельствует характерный вербальный текст: *Как на нашей нивки / Сегодня обжинки, / А-я-я-я* и т. д. По структурно-ритмической организации напев относится к **первому ярынному типу** (*I ярын.*) с модификацией на уровне общей композиции строфы: в типовой структуре рефрен опоясывающий, а в омском образце – концевой, т. е. начальное проведение четырехдольного рефренного сегмента формы отсутствует. В напеве реализуется типичный для жнивных песен «летний» терцовый ладозвукоряд с субквартой и субсекундой.

3. Песни с типовыми комбинированными напевами

Песня из Красноярского края «Пошла Маша жито жать» (Кр-ШРБ/с.78-2) имеет короткий, исчерпывающийся двумя поэтическими строфами, вербальный текст сатирического содержания: *Пошла Маша жито жать, / Позабыла хлеба узять. // Хлеб узьяла, серп забыла; / Лучшие б Маша дома была!* В организации напева комбинируются признаки двух типов: семислоговые строки первой поэтической строфы воплощаются с помощью ритмоформулы, характерной для типа *I дожин.* – ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪, а стих 4 + 4 второй строфы ритмизован двумя моноритмическими сегментами – ♪ ♪ ♪ ♪. Такая мерность ритмического движения при восьмисложном стихе отмечается 3. Я. Можейко как отличительный признак пятой разновидности, которая объединяет напевы «жнива» и жнивной толоки, распространенные в некоторых районах Полесья и центральной зоны Беларуси [Можейко 1985: 112]. В. И. Елатов называет восьмислоговую структуру стиха основной для большинства жнивных песен [Елатов 1977: 38].

Образец из Красноярского края «Ой зелена ў лугах трава» (Кр-ШРБ/с.84 № 1) также отличается комбинированием в напеве двух типовых ритмических структур. Первая часть стиховой структуры песни (4 + 3) + 5 реализуется ритмоформулой ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪, характерной для первого типа весенних закличек. Пятисложник воплощается в напеве с помощью колядковой рит-

⁹ Комментарий носителей традиции к последней песне: «пают в жниво́, када по́лють, жнуть» [КШ 2003: 120].

моформулы $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$, она является сквозной для годового календарного круга белорусов и содержится в ритмических структурах типовых напевов разных сезонов.

3.1. Комбинированные напевы на типовых четырехдольных и шестидольных ритмоформулах

Напевы нескольких жнивных песен из сибирской календарной коллекции построены на четырехдольных и шестидольных ритмоформулах, которые встречаются в составе многих типовых ритмоформул песен разных сезонных циклов и приобрели уже самостоятельное значение. В. И. Елатов отмечает две стиховые структуры как основные для жнивных песен: двузвенную (4 + 4) и трехзвенную (4 + 4 + 6) [Елатов 1977: 38]. В сибирских песнях, кроме них, наблюдаются двузвенные структурные варианты 4 + 6 и 6 + 6.

Поэтический текст красноярской песни «Не видно, не видно» (Кр-СВЖ/с.31-1) имеет двустрочную строфическую форму ab/cd, строение стиха 6 + 6. Нечетные шестислоговые стиховые структуры ритмизованы типовой ритмоформулой $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$, а четные реализуются с помощью первой части «грязной» ритмоформулы из типа VI рус.: $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$.

На вариантах шестидольной ритмоформулы $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$ целиком построены дальневосточная песня «Павей, павей, ветрик» (ДВ-КШ/129) и красноярские образцы «Не пойду домой» и «А Пречистая мать» (Кр-ШРБ/с.84-2, Кр-СкСР/35).

Четырехсложные ритмические сегменты лежат в основе напевов песен из Новосибирской области и Красноярского края: «Моё жито не вродило» (Нск-ХБМ/93 – Нот. прил., пример 9), «Дуня моя» (Кр-ШРБ/с.82) и «А я в поле жито жала» (Кр-СкСР/35). В них комбинируются моноритмичный вариант четырехдольной ритмоформулы: $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$ или $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$, а также различные варианты ритмоформулы шестивия: $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$, $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$, $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$. В песне «Дуня моя» (Кр-ШРБ/с.82) общая структура строфы сходна с трехчастной типовой структурой типа II дожин.: (4 – запев) + (4 + 4), но в сибирской песне первый четырехсложный сегмент – это часть смысловой строки, а не выделенный запев, как указано в белорусской типологии.

В красноярском образце «А я в поле жито жала» (Кр-СкСР/35) строки первой поэтической строфы имеют структуру 4 + 4, цезуры в словесном и музыкальном тексте совпадают: *А я в поле жито жала* $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$ – изоритмичный шестисложник и вариант ритмоформулы шестивия; *На солнышко поглядала* $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$ – изоритмичные шестисложники. Далее же происходят модификации структуры 4 + 4. При сохранении основы ритмической структуры и в целом мелодического рельефа напева, место цезуры в словесном тексте сдвигается в каждой строке, и вследствие этого меняется и состав ритмоформул: первая строка второй строфы – *А вжо ж солнышко низенько* (5 + 3, ритмоформулы колядковая и трехсложная $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$), вторая строка второй строфы – *Вечарочек близенько* (4 + 3, ритмоформулы шестивия и трехсложная моноритмичная $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$); и т. д. Таким образом, наблюдается несовпадение членения словесного и музыкального текста при сохранении ритмоструктуры напева (этот феномен отмечался Б. Б. Ефименковой).

Двузвенные стиховые структуры 4 + 6 лежат в основе жнивных песен из Омской области и Приморского края – «В чистом поле рябина стояла» (Омск-РП/53) и «Как жила я семь год удавою» (ДВ-КШ/126). И в том, и в другом напеве четырехсложник реализуется ритмоформулой шестивия $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$, а шестисложник – соответственно шестидольной ритмоформулой, которая входит во многие типовые ритмические структуры разных календарных сезонов. Последняя предстает в виде вариантов: моноритмическом – $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$ (Омск-РП/53) и с удлинением не только последних двух, но и третьей и четвертой долей – $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$ (ДВ-КШ/126). Характерной для жнивных песен ладозвукорядной организации в напевах не наблюдается, они построены на нижнем пентахорде эолийского лада. Вербальные тексты обеих песен относятся к семейно-бытовой тематике, с трагическим оттенком (о горькой жизни женщины с мужем-пьяницей), что свойственно и лирическим песням.

Выводы

В коллекции белорусских календарных песен сибирско-дальневосточного бытования содержится достаточно представительное количество песен позднелетне-осеннего периода (около 50). Результаты типологического анализа демонстрируют разнообразие типовых напевов по классификации З. Я. Можейко. Напевы образцов переселенческой традиции относятся к первой и второй типологическим группам жнивных песен, к разновидности жнивных напевов восточных районов Поозерья, к первому и второму дожиночным типам, первому ярынному и второму осеннему типам. Кроме того, встречаются песни, напевы которых имеют характерные структурно-ритмические параметры типов летнего периода – шестого русального и седьмого купальского. В небольшом количестве присутствуют песни с типовыми модифицированными и типовыми комбинированными напевами. Особую роль в организации жнивных напевов играют четырех- и шестислоговые стиховые структуры, они реализуются в ритмоформулах, распространенных и за пределами рассматриваемого календарного периода. В напевах песен позднелетне-осеннего периода отмечены также ритмоформулы, которые встречаются во всех сезонах годового круга – например, колядковая.

Жанровую принадлежность песен носители традиции определяют чаще всего обобщенно, указывая, что песню исполняли во время жатвы, на поле. При этом по строению песни может относиться не только к жнивным или дожиночным, но и к летним или осенним типам. Реже бывает обратная ситуация: жнивная по структурно-ритмическим признакам песня определяется исполнителями как *вóсенская*. Такое переименование, отсутствие устойчивых, жестких границ в народной жанровой атрибуции и типологической принадлежности образцов свидетельствуют о внутренней целостности песенного цикла позднего лета и осени. Все его песни и обрядовые компоненты связаны с уборкой урожая – в широком смысле: как выращенного собственным трудом, так и полученного от природы (сбор ягод и пр.).

Список литературы

Дайнеко Т. В. Типология напевов зимних календарных песен белорусов Сибири и Дальнего Востока // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2021. № 55 (2). С. 177–188. DOI: 10.31773/2078-1768-2021-55-177-188

Елатов В. И. Песни восточнославянской общности. Минск: Наука и техника, 1977. 248 с.

Можейко З. Я. Календарно-песенная культура Белоруссии: опыт системно-типологического исследования. Минск: Наука и техника, 1985. 247 с.

Песни Псковской земли (По материалам фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории) / Сост. А. М. Мехнецов. Вып. 1: Календарно-обрядовые песни. Л.: Советский композитор, 1989. 296 с.

Эвальд З. В. Социальное переосмысление жнивных песен Белорусского Полесья // Эвальд З. В. Песни Белорусского Полесья. М.: Сов. композитор, 1979. С. 15–32.

Список источников песенных образцов

БЕ – Любимые песни красноярского ансамбля «Берегиня»: Метод. пособие для руководителей фольклорных коллективов / Сост. З. В. Ендржеевская. Железногорск: Диамант, 2017. 128 с.

КШ – Семёнова И. В., Семёнов О. В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. 125 с.

РП – Русский народный праздник: Науч.-метод. пособие для работников культуры и образования / Отв. ред. М. А. Жигунова, Н. А. Томилова. Омск: Наука, 2005. 284 с.

СВЖ – Скопцов К. М. Ты воспой, жаворонушек: Народные песни, игры, потешки, записанные в Красноярском крае. Репертуарный сборник для детских фольклорных коллективов. Красноярск: КаСС, 2002. 92 с.

СКСР – Скопцов К. М. На серебряной реке: Народные песни Бирилюсского района. Красноярск, 2001. 80 с.

ШРБ – Шульпеков Н. А. «Расскажи ты, бабка...»: Календарный обрядовый фольклор Красноярского края. Красноярск: КаСС, 2007. 96 с.

References

Dayneko T. V. Tipologiya napevov zimnixh kalendarnykh pesen belorusov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Typology of tunes of winter calendar songs of the Belarusians of Siberia and the Far East]. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2021, no. 55 (2), pp. 177–188. DOI: 10.31773/2078-1768-2021-55-177-188. (In Russ.)

Elatov V. I. *Pesni vostochnoslavyanskoy obshchnosti* [Songs of the East Slavic community]. Minsk, Nauka i Tekhnika Publ., 1977, 248 p. (In Russ.)

Eval'd Z. V. Sotsial'noe pereosmyslenie zhivnykh pesen Belorusskogo Poles'ya. In: Eval'd Z. V. *Pesni Belorusskogo Poles'ya* [Songs of Belarusian Polesie]. Moscow, Sovetskiy kompozitor, 1979, pp. 15–32. (In Russ.)

Mozheyko Z. Ya. *Kalendarno-pesennaya kul'tura Belorussii: opyt sistemnotipologicheskogo issledovaniya* [Calendar-Song Culture of Byelorussia]. Minsk, Nauka i Tekhnika Publ., 1985, 247 p. (In Russ.)

Pesni Pskovskoy zemli (Po materialam fol'klornykh ekspeditsiy Leningradskoy konservatorii) [Songs of the Pskov Land (Based on materials from folklore expeditions of the Leningrad Conservatory)]. Iss. 1: Kalendarno-obryadovye pesni [Calendar and ritual songs]. A. M. Mekhnetsov (Comp.). Leningrad, Sovetskiy kompozitor, 1989. 296 p. (In Russ.)

List of sources of song samples

Lyubimye pesni krasnoyarskogo ansamblya «Bereginya» (metodicheskoe posobie dlya rukovoditeley fol'klornykh kollektivov) [Favorite songs of the Krasnoyarsk ensemble “Bereginya” (methodological manual for leaders of folk groups)]. Z. V. Endrzhhevskaya (Comp.). Zheleznogorsk, Diamant, 2017, 128 p. (In Russ.)

Russkiy narodnyy prazdnik: Nauchno-metodicheskoe posobie dlya rabotnikov kul'tury i obrazovaniya [Russian national holiday: A scientific and methodical grant for cultural workers and education]. M. A. Zhigunova, N. A. Tomilova (Eds.). Omsk, Nauka, 2005, 284 p. (In Russ.)

Semenova I. V., Semenov O. V. *Karagod shirokiy: Kalendarno-obryadovye pesni pereselentsev Surazhskogo, Novozybkovskogo, Starodubskogo uezdov Chernigovskoy gubernii v Primor'e* [Wide Karagod: Calendar-ritual songs by settlers from Surazhsky, Novozybkovsky, Starodubtzevsky Counties of the Chernigov province in Primorye]. Vladivostok, 2003, 125 p. (In Russ.)

Skoptsov K. M. *Na serebryanoy reke: Narodnye pesni Birilyusskogo rayona* [On the Silver River: Folk Songs of the Birilyussky District]. Krasnoyarsk, 2001, 80 p. (In Russ.)

Skoptsov K. M. *Ty vosпой, zhavoronushek: Narodnye pesni, igry, poteshki, zapisannye v Krasnoyarskom krae. Repertuarnyy sbornik dlya detskikh fol'klornykh kollektivov* [You sing, larks: Folk songs, games, jokes, recorded in the Krasnoyarsk Territory. Repertory collection for children's folk groups]. Krasnoyarsk, KaSS, 2002, 92 p. (In Russ.)

Shulpekov N. A. “Rasskazhi ty, babka...”: *Kalendarnyy obryadovyy fol'klor Krasnoyarskogo kraya* [“Tell me, grandmother ...”: Calendar ritual folklore of the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk, KaSS, 2007, 96 p. (In Russ.)

Нотное приложение

Пример 1

ДВ-КШ/117 – *Жнитя, жнитя, жнейки*. Зап. С. Н. Макаркин в 1993 г. в с. Анучино Анучинского р-на Приморского края. Нотация: И. В. Семёнова.

$\text{♩} = 72$

Жни - тя, жни - тя, жне - йки. У!

Жни - тя, ни ля - ни... У!

Да кра - я да - жне - мся. У!

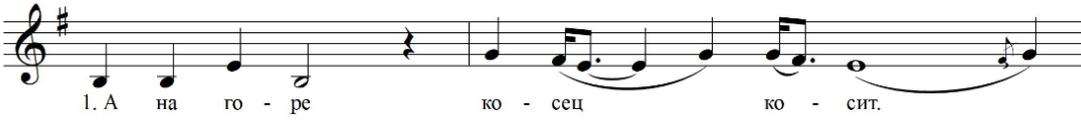

Га - рэ - лки на - пье - мся. У!

Пример 2

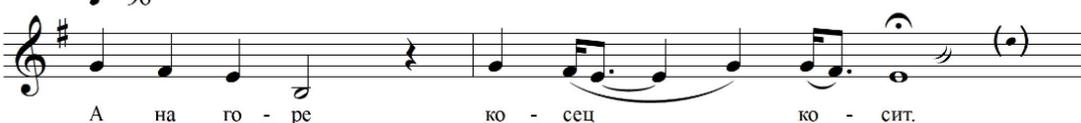
Омск-РП/45 – *А на горе косец косит*. Зап. И. Г. Чумакова, Е. М. Ефремова, Е. В. Попова в 1995 г. в д. Соловьёвка Седельниковского р-на Омской области. Нотация: О. Г. Сидорская.

$\text{♩} = 96$ $\text{♩} = 84$

1. А на го - ре ко - сец ко - сит.

$\text{♩} = 96$

А на го - ре ко - сец ко - сит.

Пример 3

Кр-ШРБ/с.87, №2 – *Как на нашей нивке сегодня обжинки*. Зап. М. Ф. Шульпекова и Т. Тихонова в 1994 г. в с. Зареченка Түхтетского р-на Красноярского края. Нотация: Н. А. Шульпеков.

$\text{♩} = 76$

Одна *Все*

1. Как на на - шей нив - ке

Ся - год - ня об - жин - ки.

Сла - ва Бо - гу! Гу!

Пример 4

Омск-РП/49 – *И шёл раю дорогою*. Зап. Н. К. Козлова в 1996г. в д. Ларионовка Знаменского р-на Омской области. Нотация: О. Г. Сидорская.

♩ = 120

1. И шёл ра - ю, и шёл ра - ю до - ро... - г(а) - ю.

Пример 5

Кр-СВЖ/с.30 – *А чье то поле задремало стоя?*. Зап. К. М. Скопцов в 1980 г. в г. Назарово Красноярского края. Нотация: К. М. Скопцов.

♩ = 104

А чи - е - то по - ле за - дре - ма - ло сто - я?

Ой, ра - ным - ра - не - нько, за - дре - ма - ло сто - я.

Пример 6

Омск-1/20 – *Ох, литала сера пирепёлка*. Зап. в 1973 г. в д. Тайга Знаменского р-на Омской области. Нотация: С. А. Звягина

♩ = 133

1. Ох, ли - та - ла

♩ = 127

Се - ра пи - ре - пё - (о)л - ка на чис - та - му по...

♩ = 122

Ох, ли - та - ла.

♩ = 117

Ох, ли - та - ла.

Пример 7

Омск-РП/52 – *А в бору тет(я)рлёк бал(ы)бочет*. Зап. Е. М. Ефремова в 1995 г. в с. Утьма Тевризского р-на Омской области. Нотация: О. Г. Сидорская.

♩ = 100

1. А в бо - ру те - т(я)р - лёк ба - л(ы) - бо - чет.

А в бо - ру те - т(я)р - лёк ба - л(ы) - бо - чет.

Пример 8

Кр-БЕ/23 – *Ой, Святой Покров*. Зап. И. Н. Горев, Е. В. Горева, З. В. Ендржеевская, И. Н. Черноусова в 2000 г. в д. Ивановка Бирилюсского р-на Красноярского края. Нотация: З. В. Ендржеевская.

$\text{♩} = 108$

1. Ой, Свя - тый Пок - ров,
И будь ты та - кой,
Як та - й Пра - чис - та... гу!

Пример 9

Нск-ХБН/93 – *Маё жито не вradiла*. Зап. В. И. Байтуганов, Е. Ф. Фурсова в 1995 г. в с. Кыштовка Кыштовского р-на Новосибирской области. Нотация: В. И. Байтуганов.

Растяжно

Ма - ё жи - то не вра - ди - и - ла,
Се - ре - ди - на за - бо - ле - ла.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
10.09.2024*

Сведения об авторе

Татьяна Владимировна Дайнеко – кандидат искусствоведения, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: tan-dai@mail.ru

ORCID 0000-0002-9801-3007

Information about the Author

Tatyana V. Dayneko – Candidate of Art Studies, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

E-mail: tan-dai@mail.ru

ORCID 0000-0002-9801-3007